

В диссертационный совет ПДС 0900.009
при федеральном государственном
автономном образовательном
учреждении высшего образования
«Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лумумбы»
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая,
д. 6

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию на соискание ученой степени

доктора юридических наук Новиковой Татьяны Васильевны

на тему: «Формирование и развитие принципа автономии воли

в коллизионном регулировании гражданских отношений,

осложненных иностранным элементом», по специальности

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Актуальность темы представленной диссертации не вызывает сомнений. Исследование соискателя Новиковой Т.В. посвящено такому важному принципу международного частного права, далее – МЧП, как автономия воли сторон при избрании наиболее подходящего им регулирования.

Несмотря на развитие международного нормотворчества и появление так называемых негосударственных регуляторов, до настоящего времени на местном уровне каждая страна оперирует системой своих, в основном императивных коллизионных норм, где *lex voluntatis* – концептуальное и распространяющееся исключение, уступка удобству и предсказуемости в договорной практике. По итогам состоявшейся в 2013 году реформы отечественного законодательства об МЧП нормы об автономии воли были приведены в систему взаимосвязанных правил, что вывело названный принцип на новый уровень его развития и требует обладающего содержательную полезностью научного осмысления.

Исследование соискателя своевременно, полезно и обладает актуальностью, новизной и практической применимостью.

Достоверность и новизна результатов диссертации обеспечиваются широтой исследования соискателя, адекватностью примененной методологии и репрезентативностью теоретической, нормативной и эмпирической характеристик ее труда. Отметим, что в отличие от своих предшественников соискатель рассматривает автономию воли не как отдельное правомочие сторон договорного обязательства, а как идею общего значения в основе решения коллизионного вопроса. При этом соискатель не ограничивается анализом современного состояния автономии воли, а предпринимает попытку проследить линию ее развития от зарождения до наших дней на материале как отечественного, так и зарубежного коллизионного права, что позволяет не только оценить состояние этого института, но и на основании выявленных закономерностей определить пути его дальнейшего совершенствования.

Достоинством диссертационного исследования является его внушительная библиография. Соискателем проанализированы многочисленные отечественные и зарубежные законодательные акты и памятники права, международные договоры, разные по юридической силе документы международных организаций. Исследованная судебная и арбитражная практика включает, выборочно, более ста десяти решений судов Российской Федерации, более пятидесяти – МКАС при ТПП РФ, а также ряд зарубежных судебных актов, актов международных юрисдикционных органов и арбитражей.

Теоретическая основа работы включает труды виднейших отечественных и зарубежных правоведов по международному частному праву и международному праву, гражданскому праву, гражданскому и арбитражному процессу, философии и теории права. Излагая свои мысли профессиональным языком, соискатель скрупулезна в своих ссылках при приведении высказываний коллег.

Научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, убедительно обосновываются соискателем. Заявленная цель исследования – формирование целостной концепции автономии воли и теоретическое обоснование закономерностей развития правовых механизмов его реализации в системе принципов коллизионного регулирования – эффективно достигается через решение оптимально выстроенных более частных задач. В свою

очередь структура диссертации корреспондирует задачам исследования, включая введение, пять глав, которые охватывают в совокупности пятнадцать параграфов, заключение и список литературы.

Каждой из постановленных соискателем задач исследования соответствует самостоятельный параграф диссертации, по результатам которого формулируется положение, выносимое на защиту. Таким образом, логика построения исследования и обоснования его научных результатов, выводов и рекомендаций прослеживается во всех структурных элементах диссертации.

Научная новизна и оригинальность представленного исследования, а также личный вклад Т.В. Новиковой в разработку научной проблемы заключаются в разработке названного принципа как элемента бинарной системы коллизионного регулирования. Успешно применяя историко-правовой и сравнительно-правовой методы исследования, соискатель выявляет закономерности формирования и развития автономии воли в качестве принципа коллизионного регулирования – как на отечественном (в главе 1 диссертации), так и на зарубежном (в главе 2 диссертации) правовом материале.

Исследовательский уровень работы проявляется в том, что, определяя в качестве ее цели теоретическое обоснование закономерностей развития правовых механизмов реализации принципа автономии воли, соискатель обращается к фундаментальным вопросам о системе принципов международного частного права, в целом, и коллизионного права, в частности, и месте автономии воли в данной системе (в главе 3 диссертации), а также впервые в отечественной доктрине проводит анализ «внешнего» взаимодействия автономии воли в механизме правового регулирования гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, с учетом ограничений применения иностранного права и приоритета унифицированного материально-правового регулирования в международном частном праве (в главе 4 диссертации).

Заключительная глава 5 диссертации, посвященная практическим аспектам реализации автономии воли, тестирует предложенную соискателем авторскую модель автономии воли, в которой разграничиваются ее статика и динамика в коллизионном регулировании, и, соответственно, в каждом из трех параграфов

главы подтверждаются три исследовательские гипотезы, выдвинутые соискателем при обосновании защищаемой авторской концепции.

Ценность для науки и практики результатов работы заключается, прежде всего, в том, что выдвинутая соискателем теория автономии воли не только предлагает осмысление отдельного правового (коллизийного) принципа, но и понимание механизма коллизийного регулирования в международном частном праве.

Помимо этого, результаты выполненного исследования, в особенности, в части практических аспектов реализации автономии воли, могут использоваться в правоприменительной деятельности при решении коллизийного вопроса судом или арбитражем, а также в законотворческом процессе в случае необходимости совершенствования нормативного закрепления принципа автономии воли, в учебном процессе.

Основные результаты диссертации опубликованы в научной печати, что подтверждается внушительным количеством публикаций соискателя – 54 работы, в том числе 3 научные статьи в изданиях из международных баз цитирования, 9 научных статей в изданиях, индексируемых в RSCI, 20 научных статей в изданиях из числа рекомендованных ВАК при Минобрнауки России; 2 монографии, 1 глава коллективной монографии; 18 публикаций в сборниках материалов конференций и 1 – в других изданиях.

Диссертация, с точки зрения ее содержания, соответствует специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки. *Содержание автореферата соответствует основным положениям диссертации.*

Замечания к работе

1. МЧП есть подотрасль гражданского права, и такие вопросы, как способы заключения договоров, допустимость подразумеваемого выбора, время действия самого договора, в том числе которым осуществляется выбор нероссийского законодательства, регулируются более общими положениями ГК в их текущем практическом применении судами и арбитражами в Российской Федерации. В свете этой методологической посылки мы не согласимся с тезисом соискателя о том, что автономия воли «не может рассматриваться как проявление гражданско-

правового принципа свободы договора или им обосновываться» (например, на с. 90 диссертации).

2. В развитие предыдущего замечания дополнительного пояснения требует тезис соискателя о том, что понятие «форма» является условным для соглашений о применимом праве (положение № 5, выносимое на защиту, на с. 24-25 диссертации). Как известно, общие положения гражданского законодательства (статьи 158-160 ГК и далее) допускают как письменную, так и устную форму для сделки. В этом случае выделяемое соискателем «подразумеваемое» соглашение о применимом праве нужно в соответствии со ст. 158–159 ГК РФ квалифицировать в качестве устного.

3. Соискателем выявлена сущность автономии воли, происходящая из дихотомии или двойственности законодательных устремлений дать полную свободу частным лицам при соблюдении ими ограничений и приблизить взаимоотношения сторон к правопорядку, который территориально, концептуально находится ближе всего к взаимоотношениям сторон. Поэтому автономия воли выступает в виде уполномочения частных лиц определять режим своего экономического сотрудничества.

Говоря о том, что принцип автономии воли стоит над коллизионным регулированием вообще, а не является субститутом коллизионной привязки, либо материально-правовым уполномочением сторон определять содержание своих прав и обязанностей, автор повторяет позицию одного из видных российских цивилистов – разработчиков ГК РФ в роли главы всей группы цивилистов – профессора Александра Львовича Маковского, который в своей книге «Международное частное морское право» 1984 г. в соавторстве с Г. Г. Ивановым впервые сказал о том, что автономия воли есть особый институт, предназначенный для снятия коллизионного вопроса, и, как он сказал, при реализации автономии воли не возникает ни вопросов конфликтов квалификаций, ни вопросов обратной отсылки, поскольку автономия воли – совершенно отличный институт, находящийся вне регулирования непосредственно коллизионными нормами¹. Мы

---

¹ Иванов Г. Г., Маковский А. Л. Международное частное морское право. Л.: Судостроение, 1984. С. 26.

допускаем, что диссертант пришла к этому выводу своим путем. При этом она даёт самостоятельно выбранную цитату в указанной работе на с. 275 диссертации.

4. Нигде в науке международного частного права не встречается публикаций, где бы юридический феномен автономии воли прослеживался именно в подробнейшем и интересном историческом аспекте, а также в законодательствах разных стран. Поэтому работа уважаемого диссертанта обладает еще и хронологической увлекательностью, и многие цивилисты с удовольствием ее прочтут, улучшив и усовершенствовав свои системные знания о международном частном праве в целом и привязки *lex voluntatis* в частности. Занимаясь подробными рассуждениями, сопоставлениями точек зрения и общенаучной полемикой, автор не замечает, что некоторые ее выводы в настоящий момент становятся, если не менее актуальными, то в любом случае невостребованными. Речь идет об авторских заключениях о том, что соглашение о свободе выбора не есть гражданско-правая сделка (*suī generis*), и что стороны реализуют такую свободу лишь при наличии иностранного элемента в отношениях (с. 95).

Дело в том, что такие выводы в значительной мере обесценены Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», где прямо сказано, что соглашение о выборе применимого правопорядка есть обычная гражданско-правовая сделка со всем регулированием, принятым для данной сделки, и что, следовательно, все нормы ГК о сделках, о договорах, об обязательствах, о недействительности сделок и т.п. должны к ней применяться. Тем более, что международное частное право входит интегральной частью в гражданское право, и почти все нормы международного частного права содержатся в ГК РФ.

Второй вывод заключается в том, что Верховный Суд РФ в этом же постановлении сказал, что стороны вправе без наличия иностранного элемента в отношениях избирать неотечественный правопорядок, при этом все императивные нормы *lex fori* не должны игнорироваться. Это революционное разъяснение Верховного Суда заставляет делать поправки в рассуждения, поскольку высшая судебная инстанция обязательна для судов, всех правоприменителей, за

исключением третейских судов. Поэтому ценность рассуждения автора вовсе не исчезла, однако нужно делать соответствующие оговорки, а она их не делает.

5. В положении 4 сказано, что автономия воли, постулирующая возможность сторон гражданских отношений, осложненных иностранным элементом, избрать применимое право и пределы ее реализации определяется непосредственно исключительно управомочивающей нормой для судов, закрепленной в рамках свода коллизионных норм в *lex fori*, «а для арбитражей – аналогичной нормой редуцированного к альтернативе – выбор сторон или выбор арбитража, положения в *lex arbitri*».

Дело в том, что это не совсем так. Как раз *lex arbitri* или право арбитража не должно регулировать вопрос выбора сторон. В самом деле легко видеть, что суд, государственный суд (суды), где принудительно исполняются решения арбитража, не даст разрешения на осуществление этой процедуры, если сторонами осуществлен выбор сторон, а в государстве суда он запрещен.

Примером может служить договор о недвижимости, недвижимом имуществе, который в силу статьи 1213 ГК РФ регулируется российским правом. Представим, что арбитражное решение обращается к принудительному исполнению, а спор улажен по нероссийскому праву. Конечно, российский суд акт не одобрит и исполнительный лист не выдаст, и также будут поступать любые государства-места исполнения решения арбитража. Таким образом, оговорка об избрании применимого права должна кумулятивно регулироваться местом известного исполнения арбитражного решения.

6. В положении 7, выносимом на защиту, автор подчеркивает, что феномен развития автономии воли и признания принципа в ряде стран, включая Францию, Германию и Россию, обязан отнюдь не закону «как основного источника права, а на уровне правоприменительной практики». В связи с этим, по ее мнению, можно сделать вывод, что автономия воли не требует специального санкционирования. Здесь можно поспорить о научной ценности такого высказывания – о том, что в трех из многочисленных государств автономия воли вводилась судебной практикой, что неочевидно, и что это свидетельствует об особом качестве автономии воли.

7. По нашему субъективному восприятию, главный вывод положения 4, выносимого на защиту, о том, что «нормы коллизионного права первичны по отношению к материальному праву в историческом и догматическом плане» является неверным. С этим трудно согласиться. Наоборот, первичным является регулирование гражданско-правовое. Именно оно задает базовую терминологию. Именно его распространение и применение привело к коллизионному регулированию, как отмечает правильно автор, которое является надстройкой над «материально-правыми принципами и нормами».

8. В положении 2, выносимом на защиту, диссертант пишет: «Практическая проверка данных принципов (например, общих принципов права, признанных цивилизованными нациями, статута международного суда или основных начал гражданского законодательства) позволила установить их нежизнеспособность в поле специального правового воздействия на предмет международного частного права». Сказано вроде бы верно, но разве это не само собой разумеется, что международное частное право регулирует отношения имущественные, гражданско-правовые, осложненные иностранным элементом, и иные принципы, принадлежащие другим отраслям права, конечно, не имеют существенного влияния и ими не должно руководствоваться? При этом автор пишет, что основные начала гражданского законодательства к коллизионному регулированию не имеют отношения, с чем трудно согласиться.

Данные замечания не умаляют значимости работы соискателя.

Поэтому следует сделать *закключение* о том, что диссертационное исследование Новиковой Татьяны Васильевны на тему «Формирование и развитие принципа автономии воли в коллизионном регулировании гражданских отношений, осложненных иностранным элементом» является законченной научно-исследовательской работой, в которой решена научная проблема, имеющая важное социально-экономическое значение в области международного частного права, и на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук, согласно п. 2.1. раздела II

Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного ученым советом РУДН протокол № УС-1 от 22.01.2024 г., а её автор, Новикова Татьяна Васильевна, заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент:

доктор юридических наук,

профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева международно-правового факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Монастырский Юрий Эдуардович

ПОДПИСЬ *Монастырского Ю. Э.* *авверяю*

«04» 06 2026 г.

«04» 06 2026 г.

Подпись сотрудника – профессора кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева международно-правового факультета Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» Ю.Э. Монастырского – удостоверяю.

Контактные данные:

Тел.: +7 495 231 42 22, +7 903 724 52 52; e-mail: monastyrsky@mzs.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 12.00.03 – «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»

Почтовый адрес организации: 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», международно-правовой факультет, кафедра международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева

Тел.: +7 495 229 38 24; e-mail: privintl@inno.mgimo.ru, privintl@yandex.ru